

Пролог

На обочине дороги под серым дубом лежал велосипед, руль вывернут под странным углом, будто хозяин со злости швырнул своего железного коня что было силы.

Раннее утро субботы, пятый день сильнейшей жары. Больше сорока пожаров в буше полыхали по всему штату в разных местах. В шести районных центрах было объявлено предупреждение: «Немедленная эвакуация», но здесь, в пригороде Сиднея, опасности подвергались только астматики, которым рекомендовали не выходить из дому. Город накрыла зловещая желто-серая дымка, густая, как лондонский туман.

На пустынных улицах тихо, слышен лишь громкий стрекот цикад, доносящийся словно из-под земли. После беспокойных жарких ночей, проведенных в тревожной полудреме, большинство людей спали; одни лишь ранние птички, позевывая, листали большими пальцами странички на экранах своих телефонов.

Брошенный велосипед был новехонький, в рекламе про такие пишут «винтажный дамский»: мятно-зеленый, семь скоростей, светло-коричневое кожаное сиденье и белая плетеная корзина. При виде подобного велика сразу воображаешь, что катишь на нем прохладным утром по европейской горной деревушке, на голове —

берет вместо защитного шлема, а под мышкой — ароматный свежий багет с хрустящей корочкой.

На выжженной солнцем траве лежали четыре зеленых яблока, которые, видимо, выкатились из опрокинувшейся велосипедной корзинки.

Семейство черных мясных мух заняло места на серебристых спицах велосипеда, насекомые сидели абсолютно неподвижно, словно мертвые.

Машина, «Холден V8 Коммодор», подрагивающая в ритме рока восьмидесятых, подъехала со стороны перекрестка на неуместно большой по меркам этой тихой семейной округи скорости.

Моргнули стоп-огни, и автомобиль задним ходом, скрипя шинами, подкатил к велосипеду и остановился. Музыка стихла. Вылез водитель с сигаретой в зубах. Худой, босой и с голой грудью, из одежды на нем — одни синие футбольные трусы. Оставив дверь открытой, он с отработанной балетной грацией на цыпочках дошел по уже горячему асфальту до травы, где присел на корточки, чтобы осмотреть велосипед. Погладил проколотую шину на переднем колесе, будто лапу раненого зверя. Мухи зажужжали, вдруг ожив и забеспокоившись.

Мужчина бросил взгляд в обе стороны вдоль пустой улицы; прищурившись, затянулся сигаретой, пожал плечами, после чего одной рукой подхватил велик и встал. Он подошел к машине и, ловко отцепив переднее колесо велосипеда с помощью специального рычажка, чтобы поместился, положил велосипед в багажник, как покупку.

Потом сел обратно в машину, захлопнул дверь и уехал, довольный собой, отстукивая на руле ритм песни «Highway to Hell» группы AC/DC. Вчера был День святого Валентина, и он, очевидно не веря в это капиталистическое дерьмо, собирался подарить находку своей

жене со словами: «С прошедшим Днем святого Валентина, малышка», — и подмигнуть иронично, и это помогло бы исправить случившееся накануне, и были шансы, что сегодня вечером ему повезет.

Ему не повезло. Тотально. Через двадцать минут он был мертв, умер мгновенно после лобового столкновения. Водитель трейлера, съезжавшего с шоссе, не заметил знака «Стоп», скрытого разросшимся амбровым деревом. Местные жители уже много месяцев жаловались на этот знак. Тут непременно случится авария, говорили они, так и вышло.

На жаре яблоки сгнили быстро.

Глава 1

Двое мужчин и две женщины сидели в дальнем углу кафе под фотографией в рамке — подсолнухи на рассвете в Тоскане. Рослые, как баскетболисты, они опирались локтями на круглую мозаичную столешницу и наклонялись друг к другу, так что почти тыкались лбами. Говорили они тихими, напряженными голосами, будто речь шла о международном шпионаже, что совершенно не соответствовало атмосфере приятного летнего субботнего утра и обстановке этого маленького загородного кафе, где воздух напоен ароматом свежеиспеченного грушево-бананового хлеба, а из стереосистемы лениво выплывают звуки мягкого рока под аккомпанемент промышленного шипения и скрежета помола, издаваемых кофемашиной.

— По-моему, они братья и сестры, — сказала официантка боссу; сама она была единственным ребенком в семье, а потому чужие братья и сестры вызывали в ней жгучий интерес и компания за столиком ее заинтриговала. — Они и правда все очень похожи.

— Все болтают и болтают, видно, заказа от них не дожدهшься, — проворчал босс, который был одним из восьми детей и не находил ничего интересного в братьях и сестрах.

После страшнейшего ливня с градом на прошлой неделе и всю эту шли благословенные дожди. Пожары ло-

кализовали, дым рассеялся, одновременно просветлели и лица людей, в кафе снова появились посетители с личными, так что им нужно было быстро приспособиться к новой ситуации.

— Они говорят, что не успели посмотреть меню.

— Спроси их еще раз.

Официантка снова приблизилась к столику, заметив, что вся компания сидит в одной и той же позе — обхватив ногами передние ножки стульев, словно для того, чтобы не съехать с сидений.

— Извините?

Они ее не услышали. Все говорили одновременно, голоса перемешивались. Эти люди явно родственники. Даже их голоса звучали похоже: низкие, глубокие, хрипловатые, будто у всех большое горло и нездоровые тайны.

— Фактически она не пропала. Она прислала нам сообщение.

— Отец говорил, что исчез ее новый велосипед.

— Что? Это странно.

— Значит... она просто уехала по улице прямо в закат?

— Но она не взяла шлем. По-моему, это очень странно.

— Думаю, пора заявить о ее исчезновении.

— Прошло больше недели. Это слишком долго.

— Как я говорил, фактически она не...

— Она по всем признакам пропавшая, так как мы не знаем, где она.

Официантка повысила голос до такой степени, что он оказался в опасной близости к грубому:

— Вы готовы сделать заказ?

Они ее не услышали.

— Кто-нибудь уже заходил домой?

— Папа сказал, пожалуйста, не приходи. Говорит, он очень занят.

— Очень занят? Чем же это?

Официантка прошаркала мимо них между стульями и стеной, чтобы кто-нибудь ее заметил.

— Знаете, что может случиться, если мы заявим о ее исчезновении? — проговорил тот из двоих мужчин, что выглядел получше. На нем была льняная рубашка с закатанными до локтя длинными рукавами, шорты и ботинки без носков. Ему едва перевалило за тридцать, предположила официантка, борода клинышком и этакий низкопробный харизматический шарм звезды из реали-ти-шоу или агента по недвижимости. — Подозрение падет на отца.

— Подозрение в чем? — поинтересовался другой мужчина, потрепанная, урезанная ввысь и растянутая вширь, более дешевая версия первого. Бородки у него не было, он просто нуждался в бритве.

— Что он... понимаешь... — Хорошо одетый брат провел пальцем по шее.

Официантка притихла. Это был самый увлекательный разговор из всех, что она слышала за время работы в кафе.

— Боже, Трой! — воскликнул плохо одетый брат. — Это не смешно.

Первый пожал плечами:

— Полиция спросит, не ссорились ли они. Отец ответит, что ссорились.

— Но ведь...

— Может быть, папа и правда имеет к этому какое-то отношение, — сказала самая младшая из четверых женщина в коротком оранжевом платье в белую ромашку, надетом поверх завязанного на шее купальника, и в шлепанцах. Волосы у нее были выкрашены в голубой (официантка мечтала именно о таком оттенке) и закручены в мокрый липкий неряшливый узел на затылке над са-

мой шеей. Руки у нее блестели, намазанные кремом от загара, будто она только что с пляжа, хотя отсюда до побережья было не меньше сорока минут езды. — Может, он сорвался. Может, он наконец сорвался.

— Прекратите, вы оба! — потребовала вторая женщина, в которой официантка опознала постоянную посетительницу: самый большой, самый горячий кофе с соевым молоком.

Ее звали Бруки. Бруки — с «и» на конце. Они писали имена клиентов на крышечках стаканов, и однажды эта женщина заметила застенчивым, но твердым тоном, как будто не могла удержаться, что на конце ее имени нужно ставить «и». Она была вежливой, но неразговорчивой и обычно немного на взводе, как будто уже знала, что день у нее не задался. Она расплачивалась пятидолларовыми банкнотами и всегда оставляла монету в пятьдесят центов в кружке для чаевых. Каждый день на ней были темно-синяя рубашка поло, шорты и кроссовки с носками. Сегодня она оделась как для выходного дня — в юбку и топ, но все равно была похожа на военнослужащую в увольнении или на учительницу физкультуры, которая не купится на твои отговорки, мол, у меня живот скрутило.

— Отец никогда не поднял бы руку на маму, — сказала она своей сестре. — Никогда!

— О боже мой, конечно нет! Я пошутила! — Девушка с голубыми волосами всплеснула руками.

Официантка заметила морщины у нее вокруг глаз и у рта и поняла, что эта женщина вовсе не юная, просто одевается по-молодежному. Дама средних лет в маскировочном костюме. Издалека ей можно дать лет двадцать, а вблизи — все сорок. Вот так фокус.

— У мамы и папы был по-настоящему крепкий брак, — сказала Бруки с «и».

Что-то в ее голосе — какая-то обиженно-почтительная интонация натолкнула официантку на мысль: несмотря на строгость в одежде, она, вероятно, самая младшая из всех.

Хорошо одетый брат вопросительно взглянул на нее:

— Мы росли в одном доме?

— Я не знаю. А мы росли? Потому что я никогда не видела никаких признаков насилия... то есть... Господи!

— Ну я тоже этого не предполагаю. Я только говорю, что другие люди могут предположить.

Женщина с голубыми волосами подняла глаза и заметила официантку.

— О, простите! Мы все еще не определились! — Она взяла в руки заламинированное меню.

— Ничего, — ответила официантка, ей хотелось услышать побольше.

— Хотя мы все немного рассеянны. Наша мать пропала.

— Да что вы! Это... так тревожит вас? — Официантка не могла толком сообразить, как ей реагировать.

Они не выглядели очень уж сильно встревоженными. Все эти люди с виду гораздо старше ее, значит их мать совсем пожилая дама? Старушка? Как могла пропасть старушка? Деменция?

Бруки с «и» поморщилась и сказала сестре:

— Не болтай об этом.

— Извините. Наша мать, вероятно, пропала, — исправилась голубовласка. — Мы временно потеряли свою мать.

— Вам нужно произвести обратный отсчет, — с улыбкой предложила официантка. — Где вы видели ее в последний раз?

Последовала неловкая пауза. Все четверо взглянули на нее одинаковыми влажными карими глазами, очень

серьезно. У всех были такие густые ресницы, что казалось, будто они подкрашены.

— А знаете, вы правы. Именно это нам и нужно сделать. — Женщина с голубыми волосами медленно кивнула, как будто всерьез обдумывала это легкомысленное замечание. — Произвести обратный отсчет.

— Мы все будем яблочный крамбл со сливками, — перебил ее хорошо одетый брат. — А потом поделимся с вами впечатлениями.

— Отлично. — Плохо одетый брат постучал краем своего меню по торцу столешницы.

— На завтрак? — поинтересовалась Бруки, но при этом криво усмехнулась, как будто с яблочным крамблом была связана какая-то только им понятная шутка, после чего все с облегчением, мол, «ну вот, с этим определились», отдали официантке меню, радуясь, что наконец от нее отделались.

Официантка нацарапала в блокнотике: «4 х яб. крам.» — и сбила меню рукой в аккуратную стопку.

— Слушайте, а кто-нибудь звонил ей? — спросил плохо одетый брат.

— Кофе? — спросила официантка.

— Мы все будем большой черный, — ответил хорошо одетый брат.

Официантка встретила глазами с Бруки с «и», чтобы дать той возможность сказать: «Нет, вообще-то, я такой кофе не пью, я всегда беру самый большой и самый горячий с соевым молоком», — но та была занята — дала отповедь брату:

— Разумеется, мы звонили ей. Миллион раз. Я послала ей эсэмэски. Письма по электронке. А вы нет?

— Значит, четыре больших черных.

— Не маме. *Ей*. — Плохо одетый брат поставил локти на стол и надавил пальцами на виски. — Саванна. Кто-нибудь пытался связаться с ней?

У официантки не осталось предлогов, чтобы нависать над ними и подслушивать.

Саванна — еще одна сестра? Почему ее нет здесь сегодня? Или она — семейный изгой? Дочь-мотовка? Поэтому ее имя приземлилось между ними столь зловеще? Так звонил ей кто-нибудь?

Официантка подошла к стойке, ударила по звонку ладонью и припечатала к столешнице листочек с заказом.

Глава 2

Прошлый сентябрь

Был ветреный вечер вторника, около одиннадцати часов. Трепетали и вихрились вместе с ветками бледно-розовые цветы сливы. Такси медленно ехало мимо домов эпохи реновации, перед каждым на подъездной дорожке — хороший седан среднего класса, а у обочины — аккуратное трио разноцветных мусорных баков на колесиках. Кольцехвостый поссум, захваченный светом фар, просеменил по изгороди из песчаника, твякнула разок и умолкла какая-то маленькая собачка. В воздухе пахло древесным дымом, скошенной травой и томящимся на огне ягненком. Свет в большинстве домов не горел, за исключением бдительно мигающих огоньков камер безопасности.

Джой Делэйни, из дома номер девять, задала работу посудомоечной машине, слушая в новомодных беспроводных наушниках, подаренных ей сыном на день рождения, последний подкаст, выложенный в сеть Парнемс-Мигренью.

Джой — миниатюрная, ухоженная, энергичная женщина с блестящими, совершенно белыми волосами длинной до плеч. Она никак не может вспомнить, сколько ей — шестьдесят восемь или шестьдесят девять, иногда даже допускает, что, может быть, шестьдесят семь. (Ей шестьдесят девять.) В данный момент на ней джинсы,

черный кардиган поверх полосатой футболки и шерстяные носки. Предполагается, что она выглядит «круто для своего возраста». Молодняк в магазинах часто говорит ей так. Но Джой всегда хочется ответить им: «Вы понятия не имеете, сколько мне лет, милые идиоты, так откуда вам знать, круто ли я выгляжу для своего возраста?»

Ее муж, Стэн Делэйни, сидит в кресле-качалке в гостиной с пакетом льда на каждом колене и смотрит документальный фильм о самых больших мостах, приканчивая упаковку сладких крекеров с перцем чили, которые макает в баночку со сливочным кремом.

Их старая стаффордширская терьериха Штеффи, названная в честь Штеффи Граф, так как щенком она очень быстро бегала, устроилась на полу рядом с Джой и тайком жевала кусок газеты. За последний год Штеффи стала одержима поисками и уничтожением любой попадавшей в дом периодики; очевидно, это какое-то особое психологическое состояние у собак, вероятно вызванное стрессом, правда, никто не знал, что могло бы вызвать такой стресс у Штеффи.

По крайней мере, привычка старой псины жевать бумагу была более приемлемой, чем повадки Отиса, кота их соседки Каро, который начал таскать одежду из домов и уносить ее в глухой проулок, включая — о ужас! — нижнее белье, которое Каро стыдилась возвращать всем, за исключением Джой, разумеется.

Джой знала, что гигантские наушники делают ее похожей на инопланетянку, но ей было плевать. Долгие годы она молила своих детей вести себя потише и теперь не выносила тишины. Тишина завывала в ее так называемом опустевшем гнезде. Гнездо пустовало уже много лет, так что Джой могла бы привыкнуть, но в прошлом году они продали свой бизнес, и возникло ощущение, что на этом закончилось все, содрогнулось в по-

следний раз и замерло навеки. В поисках шума Джой пристрастилась к подкастам. Часто она даже спит в наушниках, чтобы ее усыпила колыбельная немолчного повелительного голоса.

Сама она мигренями не страдала, а вот ее младшая дочь была им подвержена, и Джой слушала Парня-с-Мигренью, собирая полезные советы, которые могла бы передать Бруки, а также в качестве своего рода покаяния. В последние годы она начала испытывать доводящее до тошноты сожаление о том, с каким нетерпеливым безразличием сперва отмахнулась от детских головных болей Бруки, как они это тогда называли.

«Сожаление могло бы стать основным мотивом моих мемуаров», — подумала Джой, пытаясь запихнуть терку для сыра в посудомойку рядом со сковородой. «Жизнь, полная сожалений» Джой Делэйни.

Вчера она посетила первое занятие курса «Итак, вы хотите написать мемуары» в местном вечернем колледже. Джой этого не хотела, она просто составляла Каро компанию. Каро овдовела, была очень робкой и не хотела ходить одна. Джой поможет ей завести знакомства (она уже присмотрела кое-кого подходящего), а потом бросит занятия. Преподаватель объяснил им, что мемуары начинают писать с выбора темы, а дальше дело только за тем, чтобы подобрать истории, которые поддержат эту тему.

— Может быть, вы возьметесь за такую: «Я рос не на той стороне дороги, но взгляните на меня теперь», — сказал он, и все дамы в сшитых на заказ брюках и серьгах с жемчугом важно закивали и записали в своих новехоньких тетрадях: «Не та сторона дороги».

— Ну, по крайней мере, тема твоих мемуаров очевидна, — сказала Каро Джой по дороге к дому.

— Правда? — удивилась Джой.

— Это теннис. Твоя тема — теннис.

— Это не тема, — возразила Джой. — Темой может быть «мечь», или «успех вопреки всему», или...

— Ты можешь назвать их «Гейм, сет и матч. История семьи теннисистов».

— Но... мы ведь не звезды тенниса. Мы просто организовали теннисную школу и местный клуб тенниса. Мы не семья Уильямс. — Почему-то комментарии Каро раздражали Джой, даже огорчали.

Каро крайне изумилась:

— О чем ты говоришь?! Теннис — страсть вашей семьи. Следуй своей страсти! А я про себя думаю: «Вот если бы у меня была страсть, как у Джой».

Джой сменила тему.

Сейчас она подняла взгляд от нутра посудомоечной машины и вспомнила Троя, когда тот был мальчиком, как он стоял на этой самой кухне, держа в руке ракетку как оружие, с порозовевшим от злости лицом, глазами, полными обвинений и слез, которым он не давал пролиться, и кричал:

— Я ненавижу теннис!

— Ох, какое самопожертвование! — воскликнула Эми, ее роль как старшей из детей в семье состояла в том, чтобы комментировать каждую семейную ссору и использовать напыщенные слова, которых остальные дети не понимали, тогда как Бруки, все еще маленькая и обожаемая, бросилась в неизбежные слезы, а лицо Логана стало тупым до идиотизма.

— Ты не ненавидишь теннис, — произнесла Джой.

Это был приказ. Она имела в виду: ты не можешь ненавидеть теннис, Трой. Она говорила: «У меня нет ни времени, ни сил, чтобы позволить тебе ненавидеть теннис».

Джой встряхнула головой, желая прогнать воспоминание, и попыталась вернуть внимание к подкасту.